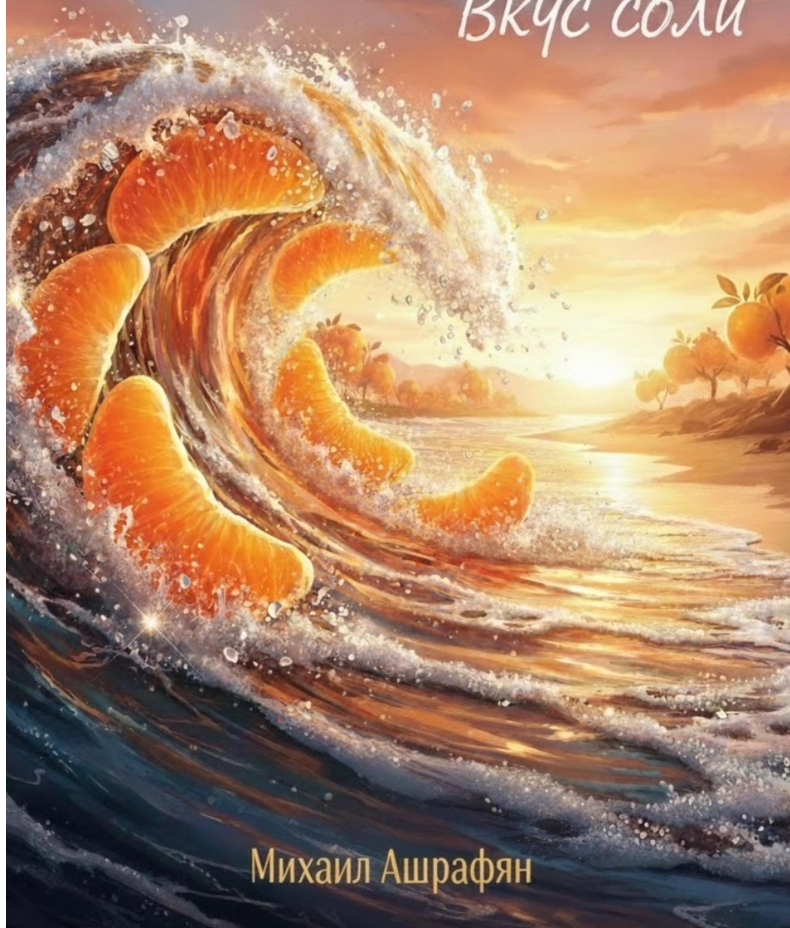


МАНДАРИНОВЫЙ ПРИБОЙ

Вкус соли



Михаил Ашрафян

Михаил Ашрафян Мандариновый Прибой. Вкус соли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73077648

SelfPub; 2026

Аннотация

Сухум – город, где время пахнет солью и спелыми мандаринами, а каждый камень хранит вековую тишину. Марк Берг, успешный архитектор из Европы, приезжает сюда с холодным расчетом: снести руины старой библиотеки и построить на её месте современный комплекс. Он уверен, что у всего есть своя цена.

Но город решает иначе. Лиана, хранительница старых чертежей, и загадочный старик Давид открывают Марку другую сторону реальности. Под фундаментом здания обнаруживается система шлюзов 1912 года и легендарная «подземная река» великого зодчего Арсения.

Марк еще не знает, что, пытаясь разрушить прошлое, он запустил механизм, который невозможно остановить. Когда в воздухе начинает пахнуть гарью, а в тенях колоннады мелькают призраки старой эпохи, ему предстоит сделать выбор: остаться амбициозным дельцом или стать частью тайны, которую бережет мандариновый прибой.

В первой части: столкновение двух миров, зов заброшенных садов и первая искра большой катастрофы.

Михаил Ашрафян Мандариновый Прибой. Вкус соли

ГЕРОИ

Лиана: "Душа города", хранительница семейных тайн и секретной тетради.

Марк: Холодный прагматик с травмой прошлого, стремящийся к тотальному контролю.

Давид: Идеалист-архитектор, тайно влюбленный в Лиану.

Часть 1 Вкус Соли

ГЛАВА 1: ГУЛ СТАРОГО ДОМА

I. Механика пробуждения

Утро в Сухуме не врывается с грохотом, оно просачивается сквозь щели старых, разохшихся ставен, как густой золотистый мед. Лиана проснулась за мгновение до того, как

солнечный луч коснулся ее век. Это было ее личное суеверие: опередить солнце, застать ту долю секунды, когда мир еще принадлежит теням и призракам прошлого. Она лежала неподвижно на широкой кровати с кованой спинкой. Простыни из египетского хлопка, когда-то ослепительно белые, теперь имели легкий оттенок слоновой кости – время в этом доме любило подкрашивать вещи в свои цвета. Лиана прислушалась. Старый дом на проспекте Леона жил своей, глубоко скрытой жизнью. Где-то в недрах стен капала вода – ритмично, как пульс больного атланта. Внизу, на первом этаже, глухо хлопнула дверь – это тетя Сирануш отправилась на рынок за первой зеленью.

На потолке, в центре массивной розетки, когда-то висела хрустальная люстра. Теперь там остался лишь кованый крюк, похожий на вопросительный знак. Лепнина – виноградные гроздья и пухлые амуры – была покрыта сетью трещин. Лиана знала каждую из них. Самая длинная, пересекающая крыло амура, появилась в год большого снегопада, когда город замер под тяжестью белого безмолвия.

– Спишь, – прошептала она, обращаясь к пустоте комнаты. Голос прозвучал хрипло, сохранив остатки сна.

Она поднялась, чувствуя ступнями прохладу паркета. Каждая половица имела свой голос. Одна скрипела жалобно, как старая кошка, другая – сухо и властно, как дедпрофессор. Лиана подошла к огромному зеркалу в раме из темного ореха. Пatina на стекле создавала эффект глубины, будто

она смотрела не на себя, а на свою копию из другого столетия.

Она видела свои плечи – тонкие, загорелые, с едва заметными веснушками, которые она называла «поцелуями прибоя». Жемчужное ожерелье, ее талисман, мягко перекатывалось по ключицам. Это был единственный предмет, который она никогда не снимала. Жемчужины были неровными, «барочными», и в каждой из них, казалось, была заключена частица морского шума.

II. Аромат ритуала

Кухня была самым светлым местом в квартире. Здесь пахло сушеными травами, лавром и тем специфическим ароматом, который издает старая медь. Лиана не признавала электрических чайников. Для нее приготовление кофе было священнодействием, актом творения мира из хаоса зерен и воды.

Джезва была старой, с длинной деревянной ручкой. Она досталась ей от бабушки вместе с рецептом, который Лиана хранила строже, чем банковские тайны. Она насыпала кофе – мелкий помол, доведенный до состояния пудры. Добавила щепотку сахара и – самое главное – кристаллик морской соли, принесенный вчера с берега.

– Соль проявляет горечь, а сахар прячет слабость, – любила говорить бабушка. Когда на поверхности начала подниматься густая, карамельного цвета пенка, Лиана сняла джезву с огня. Она ждала тридцать секунд и повторяла процесс.

Три раза. Число три в этом городе имело магическую силу: три чашки кофе за утро, три круга по набережной, три главных сплетни дня.

С чашкой в руках она вышла на балкон. Чугунные перила, отлитые на местном заводе сто лет назад, были теплыми. Внизу проспект Леона медленно наполнялся звуками. Проехал старый автобус, дребезжа стеклами. Где-то заиграла музыка – тягучая, восточная, смешанная с современными ритмами.

Под балконом, за круглым кованым столиком, уже сидел Васо. Его белая панاما, ставшая легендой, была надета на самый лоб. Он читал газету, но Лиана знала, что он не прочитал ни строчки. Васо был главным радаром улицы.

– Лиана! – крикнул он, не поднимая головы. – Твой кофе сегодня пахнет металлом. На набережной говорят, что в порт зашел «чистый лист». – Что это значит, дядя Васо? – спросила она, делая глоток. Горечь кофе идеально сочеталась с соленой прохладой утра. – Это значит, что приехал человек, у которого нет здесь корней, но есть очень длинная лопата. Чтобы перекопать всё, что нам дорого. **III. Белая вдова на горизонте**

Слова Васо отозвались внутри Лианы странным покалыванием. Она знала, о ком он говорит. Весь вчерашний вечер город гудел о белой яхте, вставшей у причала.

Она быстро оделась. Сегодня ее выбором стало платье из тонкого льна цвета топленого молока. Оно не облегало фи-

гуру, а лишь намекало на ее контуры, двигаясь в такт шагам. Лиана надела плетеные босоножки и взяла свою неизменную сумочку, в которой всегда лежал маленький блокнот в кожаном переплете.

Спускаясь по лестнице, она ощущала на себе взгляды дома. Портреты в нишах – безымянные дамы в корсетах и суровые мужчины с усами – казалось, провожали ее глазами. На втором этаже дверь приоткрылась, и в коридор высунулся нос тети Сирануш. – Лиана, дочка, ты куда в такую рань? Магазины еще закрыты! – Я иду встречать будущее, тетя Сирануш. Говорят, оно приплыло на яхте. – Будущее должно пахнуть хлебом, а не соляжкой, – буркнула старуха и захлопнула дверь.

Выйдя на набережную, Лиана замерла. Горизонт был разрезан белой линией. Яхта была огромной. Она не вписывалась в масштаб сукхумской бухты, выглядя как космический корабль, по ошибке приземлившийся на старой площади. На ее борту не было видно суеты. Она просто стояла там – немая, холодная, совершенная в своей технологичности. Лиана подошла к парапету. Море сегодня было неестественно гладким, как зеркало в ее спальне. В нем отражалось небо и эта белая сталь. – Красиво, не правда ли? – раздался голос рядом.

Лиана не вздрогнула. Она ожидала этого. Рядом стоял Марк. Он не был похож на богатых туристов, которые обычно наводняли город летом. На нем был простой серый ко-

стюм из дорогого материала, который не мялся. Его лицо было спокойным, почти неподвижным, а глаза – цвета пепла после большого пожара.

– Она слишком белая для нашего моря, – ответила Лиана, не оборачиваясь. – Наше море любит оттенки бирюзы и грязи. – Она здесь, чтобы это исправить, – Марк улыбнулся, но улыбка не затронула его глаз. – Я люблю порядок. А ваш город – это прекрасный, но совершенно запущенный чердак. – На чердаках хранятся души домов, Марк. Если вы наведете там порядок, вы оставите только стены.

Он наконец посмотрел на нее. Долго, изучающе, будто оценивая стоимость антикварной вазы, которую он собирался купить. – Вы Лиана, – сказал он. Это не был вопрос. – Давид говорил о вас. Он сказал, что вы – единственная достопримечательность этого города, которую нельзя снести. – Давид преувеличивает. Я просто часть ландшафта.

Как этот олеандр.

Марк сделал шаг ближе. Лиана почувствовала запах его парфюма – холодный, цитрусовый, с нотками металла. – Ландшафт можно изменить, Лиана. Главное – найти правильную точку приложения силы.

В этот момент Лиана поняла, что ее игра началась. Она поправила жемчужную нить и посмотрела ему прямо в глаза – те самые «пепельные» глаза из пророчества бабушки. – Посмотрим, Марк. Наше море часто возвращает на берег то, что люди пытались в нем спрятать. Даже если это очень до-

рогие яхты.

Она развернулась и пошла прочь, чувствуя его взгляд на своей спине. Она знала, что он смотрит на то, как движется ее платье, как качаются ее бедра. Он видел в ней добычу. Но Лиана уже открыла в голове свою тетрадь и записала первую строчку о человеке, который пришел забрать у нее Сухум.

IV. Убежище чертежей

Через час она была у Давида. Его мастерская находилась в полуподвале старого особняка, окна которого выходили на уровень тротуара. Там всегда пахло пылью, клеем и старой бумагой.

Давид сидел за огромным столом, заваленным чертежами. Его руки были испачканы синей тушью, а волосы всклокочены. – Ты видела его? – спросил он, не поднимая глаз. – Я с ним говорила, Давид. Давид замер. Его карандаш сломался, оставив на ватмане жирный след. – И что? Какой он? – Он считает наш город чердаком. И он привез с собой веник и топор.

Давид поднялся и подошел к окну. Он смотрел на ноги прохожих, мелькавших за стеклом. – Лиана, он выкупил права на библиотеку. Завтра они начнут вывозить архивы. Он хочет сделать там «Атриум». Стекло и сталь прямо на месте наших колонн. – Архивы? – Лиана напряглась. – Те самые, с планами подземных ходов? – Да. И если он их найдет, он поймет, что библиотека стоит на пустоте. И тогда он зальет всё бетоном. Навсегда.

Лиана подошла к Давиду и положила руку ему на плечо. Его мышцы были напряжены, как натянутые струны. – Он не найдет их, Давид. Потому что завтра вечером он будет занят мной. А ты в это время должен быть в библиотеке.

Давид обернулся. В его глазах был страх, смешанный с восхищением. – Лиана, это опасно. Он не тот, с кем можно играть в прятки. – Я не играю в прятки, Давид. Я играю в театр. А в этом городе я лучшая актриса. Принеси мне завтра список всего, что нужно забрать из архива. Мы начинаем реставрацию. Но не здания, а справедливости.

ГЛАВА 2: БРЕХАЛОВКА – СЕРДЦЕ И СЛУХИ

I. Театр на песке

Если Сухум – это живой организм, то «Брехаловка» – его центральная нервная система. Здесь, на небольшом пяточке набережной, под сенью старых эвкалиптов, решались судьбы, заключались сделки и, что важнее всего, варился лучший кофе в мире. Воздух здесь всегда был пропитан смесью запахов: горького кофейного пара, дорогого табака, соленой морской пыли и едва уловимого аромата эвкалиптовой смолы. Лиана подошла к кофейне ровно в одиннадцать утра. Это было время «большого совета». Старики в безупречно отглаженных рубашках сидели за низкими столиками, передвигая шахматные фигуры с такой серьезностью, будто от хода коня зависел курс мировой валюты.

– Лиана, дочка, ты сегодня сияешь ярче, чем лысина нашего мэра, – пробасил Нури, главный хранитель кофейно-

го очага. Он стоял за своей жаровней, наполненной мелким речным песком. Его руки двигались ритмично: он погружал медные джезвы в раскаленную массу, заставляя кофе подниматься ровно в тот момент, когда напиток достигал пика своего вкуса.

– Нури, мне как обычно. И добавь сегодня капельку корицы. Говорят, она помогает видеть правду сквозь туман, – Лиана оперлась на парапет, глядя на море. – Правда здесь у каждого своя, – Нури ловко перелил кофе в крошечную чашку с золотистым ободком. – А туман... Туман сегодня привезли на той большой лодке. Лиана обернулась. Яхта Марка по-прежнему доминировала в бухте, притягивая взгляды и вызывая глухое ворчание у местных рыбаков. Но сегодня «пришелец» решил выйти на берег.

II. Явление Марка

Он появился неспешно. Марк шел по набережной так, будто он уже владел каждым камнем этой мостовой. На нем были светлые брюки и темно-синий пиджак, брошенный на плечи – стиль, который в Сухуме уважали, но считали излишне вызывающим для утра.

Когда он приблизился к «Брежаловке», разговоры на мгновение затихли. Это была та самая тишина, которая предшествует грозе. Старики не перестали играть в шахматы, но их движения стали медленнее, а взгляды – острее.

Марк остановился у жаровни Нури. – Доброе утро. Говорят, здесь варят легендарный кофе. Я хотел бы попробовать.

Нури даже не поднял головы. Он продолжал водить джезвой по песку. – Кофе у нас обычный. Легендарным его делают люди, которые его пьют. А вы, молодой человек, пока что просто прохожий.

Лиана, стоявшая в паре метров, едва сдержала улыбку. Первый раунд остался за городом. Марк не смутился. Он достал пачку дорогих сигарет и предложил одну Нури.

Тот отказался, кивнув на свою старую трубку.

– Я ценю верность традициям, – произнес Марк, обводя взглядом собравшихся. – Но традиции хороши, когда они не мешают прогрессу. Ваш город застрял в 1970-х. Это очаровательно для открытки, но губительно для бизнеса.

Дядя Васо, сидевший за ближайшим столиком, громко захлопнул газету. – Бизнес – это когда ты продаешь то, что создал сам, сынок. А когда ты покупаешь чужую память, чтобы построить на ней туалет из золота – это не бизнес. Это грабеж.

III. Дипломатия жемчуга

Марк наконец заметил Лиану. Его взгляд изменился – холодная оценка сменилась интересом охотника, который обнаружил редкое животное в густом лесу. Он направился к ней, игнорируя колкие замечания стариков.

– Вы здесь как местное божество, Лиана, – сказал он, останавливаясь рядом. – Все смотрят на вас, прежде чем что-то сказать. – В Сухуме не нужно быть божеством, чтобы за тобой наблюдали, – ответила она, медленно помешивая ко-

фе. – Достаточно просто быть настоящей. А вы здесь выглядите как декорация из другого фильма.

Марк усмехнулся. Вблизи его глаза казались еще более холодными. – Я продюсер этого фильма, Лиана. И я приехал, чтобы сменить декорации. Вы ведь знаете про библиотеку? Лиана почувствовала, как внутри нее всё сжалось, но лицо осталось неподвижным. – Это старое здание, Марк. В нем много пыли и старых книг. Зачем оно вам? – Мне не нужно здание. Мне нужно место. Это лучшая точка для обзора. Там будет мой офис. Весь залив как на ладони.

– Вы хотите смотреть на море из окна, ради которого уничтожите то, что это море создавало веками? – Лиана сделала шаг к нему. Ее жемчужное ожерелье тихо звякнуло.

– Библиотека – это не просто камни. Это дневник города. Марк наклонился к ее уху. Его дыхание было холодным, несмотря на жару. – Дневники иногда нужно сжигать, чтобы начать новую главу. Завтра вечером, на приеме, я покажу вам проект. Вы поймете, что я не разрушитель. Я – архитектор новой реальности.

IV. Затишье перед штормом

Когда Марк ушел, на «Брехаловку» вернулся шум, но он был другим – тревожным, как гул роя потревоженных пчел. К Лиане подошел Давид. Он всё это время стоял в тени эвкалипта, наблюдая за сценой.

– Он тебя обрабатывает, – глухо сказал Давид. – Ты видишь, как он смотрит? Для него ты – еще одно здание, кото-

рое нужно «реконструировать» под свои нужды. Лиана посмотрела на пустую чашку. На дне осталась гуща, в которой можно было прочесть что угодно: и любовь, и смерть, и долгую дорогу. – Давид, чтобы победить врага, нужно сначала понять его логику. Он считает нас слабыми, потому что мы держимся за прошлое. Мы должны показать ему, что прошлое – это не балласт. Это фундамент, который его просто раздавит, если он попробует его сдвинуть.

– Что ты собираешься делать на приеме? – Давид сжал кулаки. – Я буду его музой. А музы, как ты знаешь, часто вдохновляют на безумные поступки. Иногда – на фатальные.

Она оставила Давида на набережной и пошла в сторону библиотеки. Здание стояло в конце проспекта, окутанное полуденной дымкой. Колонны, изъеденные морским солью, казались ей сейчас костями древнего исполина, который мирно спал, не подозревая, что к его горлу уже поднесли нож.

Лиана вошла внутрь. Прохлада и запах старой бумаги приняли ее в свои объятия. В читальном зале было пусто. Она подошла к высокому стеллажу в самом углу, где хранились подшивки газет за 1920-е годы. Там, за одной из полок, был тайник, о котором знал только ее дед.

Она просунула руку в узкую щель между деревом и стеной. Ее пальцы коснулись холодного металла. Это был ключ. Не от двери, а от шкапулки, в которой хранились истинные чертежи фундамента библиотеки. Те самые, которые доказывали, что под зданием проходит разлом, и любое вмеша-

тельство тяжелой техники вызовет катастрофу не только для библиотеки, но и для всей набережной.

– Ну что ж, Марк, – прошептала она, сжимая ключ в ладони. – Посмотрим, насколько устойчив ваш «новый мир».

ГЛАВА 3: МАСТЕРСКАЯ ДАВИДА – ГДЕ ОЖИВАЮТ ТЕНИ

I. Вход в преисподнюю архитектора

Мастерская Давида располагалась в подвальном этаже дома, который местные называли «Домом с химерами». Окна здесь находились на уровне тротуара, поэтому всё, что видел Давид в течение дня – это бесконечную вереницу ног: туфли на шпильках, стоптанные сандалии рыбаков и босые пятки сорванцов.

Лиана спустилась по крутой лестнице, каждая ступенька которой была стерта посередине, образуя подобие каменной чаши. Внизу пахло так, как может пахнуть только в месте, где время застыло: смесью сырого подвала, дорогого графита, скипидара и свежесваренного кофе – Давид пил его литрами, чтобы не спать.

– Давид, это я, – тихо сказала она, закрывая за собой тяжелую дверь, обитую потемневшей медью.

Мастерская была завалена рулонами ватмана. На стенах висели не картины, а чертежи фасадов, разрезы колонн и карты города, на которых красным карандашом были отмечены «больные места» Сухума. В центре комнаты стоял огромный кульман, похожий на алтарь неведомого божества.

Давид сидел за ним, согнувшись так сильно, что его позвоночник казался деталью сложного механизма.

II. Стекло́нный разлом

Он не обернулся. Его рука, державшая тонкий рапидограф, замерла над листом. – Ты принесла ключ? – его голос был сухим, как старая известь.

Лиана подошла ближе и положила на край стола холодный металлический предмет. – Ключ у тебя. Но что он откроет, Давид? Ты уверен, что мы хотим знать правду? Давид наконец поднял на нее глаза. В его зрачках отражался свет лампы, делая их похожими на два тлеющих уголька. – Правда в том, Лиана, что Марк строит свой замок на песке. В буквальном смысле.

Он развернул на столе огромную, пожелтевшую от времени карту. Это был план подземных коммуникаций Сухума 1930-х годов. Давид ткнул пальцем в место, где стояла библиотека. – Смотри. Прямо под фундаментом проходит старое русло подземной реки. В тридцатые годы его пытались заковать в бетон, но вода – это не человек, ее нельзя посадить в клетку навсегда. Она подмывает почву десятилетиями. – И что это значит? – Лиана наклонилась к карте, чувствуя, как прядь ее волос коснулась плеча Давида.

– Это значит, что если Марк пригонит сюда тяжелую технику для сноса и начнет вбивать сваи для своего «Атриума», возникнет резонанс. Библиотека не просто упадет. Она уйдет под землю, а за ней потянется вся набережная. Образу-

ется воронка. Весь старый квартал может просто... схлопнуться.

Лиана выпрямилась. В подвале стало невыносимо душно. – Он этого не знает? – Он видит только поверхность, – горько усмехнулся Давид. – Для него земля – это товар. Он верит своим инженерам, которые смотрят в современные датчики. Но датчики не видят ярости подземной воды, которую копили сто лет. **III. Между чертежом и чувством**

Давид встал и подошел к стеллажу, достав небольшую папку. – Я подготовил расчеты. Если мы покажем их комиссии, проект остановят. Но есть проблема. – Какая? – Эти карты... они из секретного архива моего деда. Технически, я храню их незаконно. Если я их предъявлю, меня лишат лицензии, а мастерскую опечатают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.